40	0209	АЛЕКСАНДР РАДИЩЕВ		«Ты хочешь знать?»

«Ты хочешь знать?» (Коренблит – Радищев)

1. Творение мира (фрагмент 1) – 2.34
2. Песнь историческая – 4.33
3. Осьмнадцатое столетие – 9.15
4. Вольность (фрагмент) – 2.57
5. Обида – 3.56
6. Престань стенать – 6.32
7. Летит крылатый век – 5.57
8. Ты хочешь знать? – 1.15
9. Эпитафия – 1.34
10. Молитва – 1.53
11. Творение мира (фрагмент 2) – 2.01

Общее время звучания – 42.27

СОДЕРЖАНИЕ

1. ТВОРЕНИЕ МИРА (Фрагмент 1)

Хор

Тако предвечная мысль, осеняясь собою
И своего всемогущества во глубине,
Тако вещала, егда все покрытые мглою
Первенственны семена, опочив в тишине,
Действия чужды и жизни, восторга лежали,
Времени круга миры когда не измеряли.

Б о г

Един повсюду и предвечен,
Всесилен бог и бесконечен;
Всегда я буду, есмь и был,
Един везде вся исполняя,
Себя себе я заключая,
Днесь всё во мне, во всем я жил.
Но неужель всегда пребуду
Всесилен мыслью, мыслью бог?
И в недрах божества забуду
То, что б начати я возмог?
Или любовь моя блаженна
Во мне пребудет невозжженна,
Безгласна, томна, лишь во мне
Всевечно жар ее пылая,
Ужель, бесплодно истлевая,
Пребудет божества во дне?
Расширим себе пределы,
Тьмой умножим божество,
Совершим совета меры,
Да явится вещество.

2. ПЕСНЬ ИСТОРИЧЕСКАЯ

Громы, гряньте, потрясися
Ось земная в основаньи,

Время быстро, ты исчезни, —
Книга вечности разверзлась.
Я не в будущем читаю,
Не пророк я, не волшебник,
Не дельфийская пифия.
Но я время зрю протекше.

Се явился предо мною
Муж ума и духа сильна,
Что, народ спасая божий,
Море Чермное претекши,
Во пустыни среди глада,
Среди смерти мог устроить
Народ шаткий, легковерный.
Моисей во имя бога
Чудеса творил; законы
Дал израильску народу:
И по истине, возмогший
Управлять толпой народной,
Не быв призван на то ею,
Не имея пред собою
Предрассудка порожденья,
Может, может сказать смело,
Что посланник есть всевышня.
Моисей во имя бога
Жезлом правит, и законы
Среди молний, среди грома
Он со неба получает.
Умы шаткие восхитив,
Вождь был тверд умом и сердцем
(Магомет коварством многим
Быть хотел законодавцем,
Умы пламенны восхитив
Рая лестною картиной,
Он смерть сладкою соделал
Во объятьях дев небесных;
Ученик его столь храбрый
Воин был непобедимый.
Он пошел струею быстрой
На победы, пред собою
Он народам удивленным
Возвестил: се избирайте
Алкоран иль смертоносный
Меч, — и света половина
Пала пред его законом).
Се идет Семирамида,
Она кудри свои черны
Прикрывает златым шлемом;
Своим мужеством на брани,
Своим разумом в советах,
Твердостью во время смутно
Всех сердца, умы пленивши,
Она память истребила,

Что убийственной рукою
Она скиптр правленья держит.
Зри Навуходоносора,
Несяй бурно пламя браней
В стены нового Салема,
Сокрушил их, в прах развеял,
Разорил храм Иеговы,
И повлек он иудеев
В плен, неволю, в преселенье.
Седяй гордо на престоле,
Златом хитро изваянном,
Он зрит образ свой во храмах
Ко богам причтен; курятся
Ароматы драгоценны
В честь ему и днем и ночью.
Но се мгла густая зверства
На верх гордый налетает,
Царь царей теряет разум,
Он стал скот, в лесах дремучих,
В блатах, дебрях ищет пищи...
Так надменности на троне
Писал суд предвечный в небе.
……..

3. ОСЬМНАДЦАТОЕ СТОЛЕТИЕ

Урна времян часы изливает каплям подобно:
Капли в ручьи собрались; в реки ручьи возросли
И на дальнейшем брегу изливают пенистые волны
Вечности в море; а там нет ни предел, ни брегов;
Не возвышался там остров, ни дна там лот не находит;
Веки в него протекли, в нем исчезает их след.
Но знаменито вовеки своею кровавой струею
С звуками грома течет наше столетье туда;
И сокрушил наконец корабль, надежды несущий,
Пристани близок уже, в водоворот поглощен,
Счастие и добродетель, и вольность пожрал омут ярый,
Зри, восплывают еще страшны обломки в струе.
Нет, ты не будешь забвенно, столетье безумно и мудро,
Будешь проклято вовек, ввек удивлением всех,
Крови — в твоей колыбели, припевание — громы сраженьев,
Ах, омоченно в крови ты ниспадаешь во гроб;
Но зри, две вознеслися скалы во среде струй кровавых:
Екатерина и Петр, вечности чада! и росс.
Мрачные тени созади, впреди их солнце;
Блеск лучезарный его твердой скалой отражен.
Там многотысячнолетны растаяли льды заблужденья,
Но зри, стоит еще там льдяный хребет, теремясь;
Так и они — се воля господня — исчезнут, растая,
Да человечество в хлябь льдяну, трясясь, не падет.
О незабвенно столетие! радостным смертным даруешь
Истину, вольность и свет, ясно созвездье вовек;
Мудрости смертных столпы разрушив, ты их паки создало;
Царства погибли тобой, как раздробленный корабль;

Дарства ты зиждешь; они расцветут и низринутся паки;
Смертный что зиждет, всё то рушится, будет всё прах.
Но ты творец было мысли: они ж суть творения бога,
И не погибнут они, хотя бы гибла земля;
Смело счастливой рукою завесу творенья возвеяв,
Скрыту природу сглядев в дальном таилище дел,
Из океана возникли новы народы и земли,
Нощи глубокой из недр новы металлы тобой.
Ты исчисляешь светила, как пастырь играющих агнцев;
Нитью вождения вспять ты призываешь комет;
Луч рассечен тобой света; ты новые солнца воззвало;
Новы луны изо тьмы дальней воззвало пред нас;
Ты побудило упряму природу к рожденью чад новых;
Даже летучи пары ты заключило в ярем;
Молнью небесну сманило во узы железны на землю
И на воздушных крылах смертных на небо взнесло.
Мужественно сокрушило железны ты двери призраков,
Идолов свергло к земле, что мир на земле почитал.
Узы прервало, что дух наш тягчили, да к истинам новым
Молньей крылатой парит, глубже и глубже стремясь.
Мощно, велико ты было, столетье! дух веков прежних
Пал пред твоим олтарем ниц и безмолвен, дивясь.
Но твоих сил недостало к изгнанию всех духов ада,
Брызжущих пламенный яд чрез многотысящный век,
Их недостало на бешенство, ярость, железной ногою
Что подавляют цветы счастья и мудрости в нас.
Кровью на жертвеннике еще хищности смертны багрятся,
И человек претворен в люта тигра еще.
Пламенник браней, зри, мычется там на горах и на нивах,
В мирных долинах, в лугах, мычется в бурной волне.
Зри их сопутников черных! — ужасны!.. идут — ах! идут, зри:
(Яко ночные мечты) лютости, буй**с**тва, глад, мор! —
Иль невозвратен навек мир, дающий блаженство народам?
Или погрязнет еще, ах, человечество глубже?
Из недр гроба столетия глас утешенья изыде:
Срини отчаяние! смертный, надейся, бог жив.
Кто духу бурь повелел истязати бунтующи волны,
Времени держит еще цепь тот всесильной рукой:
Смертных дух бурь не развеет, зане суть лишь твари дневные,
Солнца на всходе цветут, блекнут с закатом они;
Вечна едина премудрость. Победа ее увенчает,
После тревог воззовет, смертных достойный. . .
Утро столетия нова кроваво еще нам явилось,
Но уже гонит свет дня нощи угрюмую тьму;
Выше и выше лети ко солнцу, орел ты российский,
Свет ты на землю снеси, молньи смертельны оставь.
Мир, суд правды, истина, вольность лиются от трона,
Екатериной, Петром вздвигнут, чтоб счастлив был росс.
Петр и ты, Екатерина! дух ваш живет еще с нами.
Зрите на новый вы век, зрите Россию свою.
Гений хранитель всегда, Александр, будь у нас...

4. ВОЛЬНОСТЬ (Фрагмент)

1

О! дар небес благословенный,
Источник всех великих дел,
О вольность, вольность, дар бесценный,
Позволь, чтоб раб тебя воспел.
Исполни сердце твоим жаром,
В нём сильных мышц твоих ударом
Во свет рабства тьму претвори,
Да Брут и Телль ещё проснутся,
Седяй во власти да смятутся
От гласа твоего цари.

2

Я в свет исшел, и ты со мною;
На мышцах нет твоих заклеп;
Свободною могу рукою
Прияти данный в пищу хлеб.
Стопы несу, где мне приятно;
Тому внимаю, что понятно;
Вещаю то, что мыслю я;
Любить могу и быть любимым;
Творю добро, могу быть чтимым;
Закон мой — воля есть моя.

3

Но что ж претит моей свободе?
Желаньям зрю везде предел;
Возникла обща власть в народе,
Соборный всех властей удел.
Ей общество во всём послушно,
Повсюду с ней единодушно;
Для пользы общей нет препон;
Во власти всех своей зрю долю,
Свою творю, творя всех волю, —
Вот что есть в обществе закон.

5. ОБИДА

Ужасный в сердце ад,
Любовь меня терзает;
Твой взгляд
Для сердца лютый яд,
Веселье исчезает,
Надежда погасает,
Твой взгляд,
Ах, лютый яд.

Несчастный, позабудь...
Ах, если только можно,
Забудь,
Что ты когда-нибудь
Любил ее неложно;
И сердцу коль возможно,

Забудь
Когда-нибудь.

Нет, я ее люблю,
Любить вовеки буду;
Люблю,
Терзанья все стерплю,
[Ее не позабуду]
И верен ей пребуду;
Терплю,
А все люблю.

Ах, может быть, пройдет
Терзанье и мученье;
Пройдет,
Когда любви предмет,
Узнав мое терпенье,
Скончав мое мученье,
Придет,
Любви предмет.

Любви моей венец
Хоть будет лишь презренье,
Венец
Сей жизни будь конец;
Скончаю я терпенье,
Прерву мое мученье;
Конец
Мой будь венец.

Ах, как я счастлив был,
Как счастлив я казался;
Я мнил,
В твоей душе я жил,
Любовью наслаждался,
Я ею величался
И мнил,
Что счастлив был.

Всё было как во сне,
Мечта уж миновалась,
Ты мне,
То вижу не во сне,
Жестокая, смеялась,
В любови притворялась
Ко мне,
Как бы во сне.

Моей кончиной злой
Не будешь веселиться,
Рукой
Моей, перед тобой,
Меч остр во грудь вонзится.

Моей кровь претворится
Рукой
Тебе в яд злой.

6. ПРЕСТАНЬ СТЕНАТЬ

— Почто, мой друг, почто слеза из глаз катится,
Почто безвременно печалью дух крушится?
Ты бедствен не один! Иной среди утех
Всесчастлив кажется, но знает ли, что смех?
Улыбка на устах его воссесть не может,
Змия раскаянья преступно сердце гложет, —
Властитель мира, царь, он носит в сердце ад.

— Мне пользует ли то? Лишен друзей и чад,
Скитаться по лесам, в пустынях осужденный,
Претящей властию отвсюду окруженный,
На что мне жить, когда мой век стал бесполезен?

— Воспомни прежни дни, когда ты был любезен
Всем знающим тебя, соотчичам, друзьям,
Когда во льстящей мгле являлось все очам,
Когда во власти был, веселий на престоле;
Когда рок следовал твоей, казалось, воле,
Когда один твой взор счастливым сделать мог.

— Блаженством всё сие я почитать не мог.
Богатство, власть моя лишь зависть умножали;
В одежде дружества злодеи предстояли;
Вслед честолюбию забот собранье шло;
Злодейство правый суд и судию кляло;
Злоречие, нося бесстрастия личину,
И непорочнейшим делам моим причину
Коварну, смрадную старалось приписать
И добродетели порочный вид придать.
Благодеянию возмездьем огорченье.

— Среди превратности что ж было в утешенье?

— Душа незлобная и сердце непорочно.

— Скончай же жалобы, подъятые бессрочно.
Или в пороки впал и гнусность возлюбил,
Или чувствительность из сердца истребил?

— Душа моя во мне, я тот же, что я был.

— Дела твои с тобой, душа твоя с тобою.
Престань стенать. Кто мог всесильною рукою
И сердце любяще, и душу нежну дать,
К утехам может тот тебя опять воззвать.
А если твоего сна совесть не тревожит
И память прежних дел печаль твою не множит,
То верь, что всем бедам уж близок стал конец.

Закон незыблемый поставил всеотец,
Чтоб обновление из недр премен рождалось,
Чтоб всё крушением в природе обновлялось,
Чтоб смерть давала жизнь и жизнь давала смерть, —
То шествие судьбы возможно ли претерть?
На восходящую воззри теперь денницу,
На лучезарную ее зри колесницу:
Из недр густейшей мглы, смертообразна сна,
Возобновленну жизнь земле несет она.

— Се живоносное светило возблистало
И утренни мечты от глаз моих прогнало,
Приятный тихий сон телесность обновил,
И в сердце паки я надежду ощутил.

— Подобно ей печаль в веселье претворится,
Оружьем радости вся горесть низложится,
На крыльях радости умчится скорбь твоя,
Мужайся и будь тверд, с тобой пребуду я.

7. ЛЕТИТ КРЫЛАТЫЙ ВЕК

1

Летит, мой друг, крылатый век,
В бездонну вечность всё валится,
Уж день сей, час и миг протек,
И вспять ничто не возвратится
Никогда.
Краса и молодость увяли,
Покрылись белизной власы, —
Где ныне сладостны часы,
Что дух и тело чаровали
Завсегда?

2

Твой поступь был непреткновен,
Гордящася глава вздымалась;
В желаньях ты не пречернен,
Твоим скорбь взором развевалась,
Яко прах.
Согбенный лет днесь тяготою,
Потупил в землю тусклый взор;
Скопленный дряхлостей собор
Едва пренес с своей клюкою
Один шаг.

3

Таков всему на свете рок;
Не вечно на кусту прельщает
Мастистый розовый цветок,
И солнце днем лишь просияет,
Но не в ночь.
Мольбу напрасно мы возводим,
Да прелесть юных добрых лет

Калечна старость не женет:
Нигде от едкой не уходим
Смерти прочь.

4

Разверстой медной хляби зев,
Что смерть вокруг тебя рыгает,
Ту с визгом сунув махом в бег,
Щадя, в тебя не попадает
На сей раз.
Когда на влажистой долине
Верхи седые ветр взмутит,
Как вал, ярясь, в корабль стучит —
Преплыл не поглощен в пучине
Ты в сей час.

5

Не мни, чтоб смерть своей косой
Тебя в полете миновала:
Нет в мире тверди никакой,
Против ее чтоб устояла,
Как придет.
Оставишь дом, друзей, супругу,
Богатства, чести, что стяжал:
Увы! последний час настал,
Тебя который в ночь упругу
Повлечет.

6

Кончины узрим все чертог,
Объят кровавыми струями;
Пред веком смерть судил нам бог —
Ее вершится все устами
В мире сем.
Ты мертв; но дом не опустеет,
Взовет преемник смехи твой;
Веселой попирать ногой,
Не думая, твой прах умеет,
Ни о чем.

7

Почто стенати под пятой
Сует, желаний и заботы?
Поверь, вперять нам ум весь свой
В безмерны жизни обороты
Нужды нет.
Спокойным оком я взираю
На бурны замыслы царей;
Для пользы кратких, тихих дней,
Крушась всечасно, не сбираю
Златых бед.

8

Костисту лапу сокрушим,
Печаль котору в нас вонзила;
Мы жало скуки преломим,
Прошед что в нас с чела до тыла,
Душу ест.
Бедру весельем препояшем,
Исполним радости сосуд,
Да вслед идет любовь нам тут;
Богине бодрственно воспляшем
Нежных мест.

8. ТЫ ХОЧЕШЬ ЗНАТЬ?

Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду?
Я тот же, что и был и буду весь мой век.
Не скот, не дерево, не раб, но человек!
Дорогу проложить, где не бывало следу,
Для борзых смельчаков и в прозе и в стихах,
Чувствительным сердцам и истине я в страх
В острог Илимский еду.

9. ЭПИТАФИЯ

Тебя, о боже мой, тебя не признавают, —
Тебя, что твари все повсюду возвещают.
Внемли последний глас: я если прегрешил,
Закон я твой искал, в душе тебя любил;
Не колебаяся на вечность я взираю;
Но ты меня родил, и я не понимаю,
Что Бог, кем в дни мои блаженства луч сиял,
Когда прервется жизнь, навек меня терзал.

10. МОЛИТВА

О! если то не ложно,
Что мы по смерти будем жить, —
Коль будем жить, то чувствовать нам должно;
Коль будем чувствовать, нельзя и не любить.
Надеждой сей себя питая
И дни в тоске препровождая,
Я смерти жду, как брачна дня;
Умру и горести забуду,
В объятиях твоих я паки, счастлив буду.
Но если ж то мечта, что сердцу льстит, маня,
И ненавистный рок отъял тебя навеки,
Тогда отрады нет, да льются слезны реки.

Тронись, любезная! стенаниями друга,
Се предстоит тебе в объятьях твоих чад;
Не можешь коль прейти свирепых смерти врат,
Явись хотя в мечте, утеши тем супруга...

11. ТВОРЕНИЕ МИРА (Фрагмент 2)

Хор

Се исчезает пред взором всезрящим
Века не суща ещё темнота,
Се знаменуют рок словом горящим
Мира грядуща всевечны уста.

Бог
Единым взором всё объемля,
Что было, есть и может быть,
Закону моему не внемля —
Во страхе господа ходить,
Я зрю, что тварь не пожелает;
Кичася гордостью, взмечтает,
Что всей она природы царь.
О бренна и немощна тварь!
Почто против отца дерзаешь?
Или, ослушна, быти чаешь
Блаженною сама собой?
Я мог бы днесь, предупреждая
И мысль мою переменяя,
Быть твари повелеть иной.
Не ярый слабостей я мститель,
Отец всещедрый и зиждитель:
Любовию к тебе горю.
Чуждаться будешь совершенства,
Но корень твоего блаженства
В тебе нетленен сотворю.